

Игорь Андрушкевич, Буэнос-Айрес

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС УЖЕ ДЛИТСЯ ОКОЛО ПЯТИ ЛЕТ. ОДНАКО ТАКАЯ ДЛИТЕЛЬНАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕГО ЕДИНСТВЕННЫМ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫМ ПРИЗНАКОМ...

современный экономический кризис уже длится около пяти лет. Однако такая длительная продолжительность не является его единственным отличительным признаком. Кроме того, за все это время постоянно меняются диагнозы главных причин его возникновения, а также и

предлагаемые виды панацей.

Этим кризисом занимаются и обсуждают его перманентно не только многие политики и журналисты, но также и почти все без исключения профессиональные экономисты. Однако, до сих пор довольно трудно установить преобладающие мнения о действительном характере этого кризиса. Ввиду того, что этот кризис имеет **сложную многослойную структуру**, когда удается более или менее установить характер одного из верхних пластов его причин, тогда сразу всплывают на поверхность его другие, более глубокие, пласты таковых. Кроме того, некоторые причины кризиса умышленно скрываются, что еще больше затрудняет его правильное понимание. В данной статье отмечаются некоторые из причин этого кризиса.

ВИДИМЫЙ ДЕТОНАТОР КРИЗИСА

Первым видимым проявлением современного кризиса был взрыв в 2007 году так называемого «пузыря недвижимого имущества» в США, вернее «пузыря недоброкачественных или высокорискованных ипотек» (subprime hipotecs).

В течение приблизительно двух десятилетий, предшествовавших началу этого кризиса, цены на недвижимое имущество в США росли больше инфляции, измеряемой оптовыми и розничными ценами. То же самое происходило и с ценами на акции промышленных предприятий. (За 10 лет до 2007 года индекс промышленных акций «Доу Джонс» повысился приблизительно на 70%. За это же самое время инфляция розничных цен в США достигла приблизительно 30%, то есть менее половины.)

Такая длительная тенденция роста цен на недвижимость и акции, превышавшая среднюю инфляцию, дала большой толчок разным видам финансовых спекуляций, в том числе и связанным с недвижимым имуществом и со строительством домов и квартир. Финансовые структуры тоже включились в этот «тренд» (длительную тенденцию), широко организовав предложение ипотечных кредитов.

При этом, систематически стали допускаться два вида нарушений традиционных кредитных норм:

- 1) Кредиты зачастую давались почти на все 100% стоимости приобретаемой недвижимости, хотя обыкновенно ипотечные кредиты даются на гораздо меньшую долю полной стоимости, так что разницу должен покрывать сам получатель кредита из своих сбережений. При этом нарушении исходилось из предположения, что, ввиду того, что цены на недвижимость постоянно растут, через короткое время ипотечный долг станет меньшим, чем рыночная стоимость гарантирующего его имущества, тем паче если должник успеет уплатить хотя-бы несколько квот для погашения долга.
- 2) По этой же причине, ипотечные кредиты стали даваться даже не очень кредитоспособным лицам, в расчете на то, что, в случае неплатежа, имущество у них будет отобрано для погашения их долга,

причем оно к этому моменту уже будет стоить больше, чем в момент получения кредита.

По сути дела, такое массовое злоупотребление традиционными банковскими нормами ипотечных кредитов превращало их частично в некую спекулятивную игру. Хуже всего было то, что сама финансовая система не имела достаточных страховок против таких злоупотреблений. Ни одна из институционных специфических инстанций не обращала особенного внимания на эти злоупотребления. Более того, так называемые «международные рейтинговые агентства» (три частные фирмы в США, оценивающие кредитный риск отдельных стран и предприятий) иногда давали даже максимальные оценки «тройного AAA» фирмам, которые вскоре затем оказались в банкротстве.

Вообще, согласно подсчетам международной печати, только 28% экономистов предполагали возможность экономического кризиса незадолго перед его проявлением. Международный валютный фонд тоже никаких особенных предупреждений не делал. Таким образом, продолжался период чрезмерных кредитов, практически во всех областях, как-то: ипотечные кредиты, кредиты на покупку автомобилей и электронных аппаратов, кредиты по карточкам, и т. д. Согласно некоторым данным, задолженность населения США к началу кризиса превысила годовой ВВП (валовой внутренний продукт) этой страны.

Дополнительно, образовался колоссальный **вторичный рынок высокорискованных ипотек**. На этом рынке продавались и **перепродавались** ценные бумаги, иногда многократно абстрагированные от всякой конкретной связи с конкретными активами. Ипотеки, включая ипотеки высокого риска, группировались в пакеты, которые, в свою очередь, делились на части-квоты. Затем эти квоты таких пакетов ипотек, в свою очередь, входили в состав разных инвестиционных фондов, которые тоже делились на части-квоты. Иногда, на эти последние квоты делались **заклады** о том, сколько они будут стоить на рынке через какое-то определенное время. Получалась полная непроницаемость соотношений между такими закладами и квотами и их **реальным базисом**.

Когда же оказалось, что многие должники таких ипотек (под сомнением оказалось около **двух миллионов ипотек** на жилые дома в США) больше не могут погашать свои месячные квоты за полученные кредиты, частично ввиду того, что проценты на них сильно увеличились, в то время как число безработных тоже увеличилось, весь этот карточный дом из пакетов и квот быстро рухнул. (Нельзя упускать из виду, что регулируемые центральным банком США проценты на т. н. «федеральные фонды» поднялись с двух процентов в год в конце 2004 года до 5,25% в июне 2006 года, то есть больше чем в два с половиной раза, что тогда вызвало аналогичное увеличение месячных уплат за проценты многих кредитов).

Тогда банки, купившие такие пакеты ипотек, в расчете на большую прибыль, не могли больше указывать в своих балансах прежнюю цену этих ипотечных пакетов, ибо они оказались нерегулярными кредитами и больше не имели твердой цены на рынке.

Лишь немногие банки успели вовремя освободиться от подобных активов. (Среди них был Deutsche Bank). Большинству банков пришлось сильно снижать в активах своих балансов цену этих пакетов, в согласии с соответствующими бухгалтерскими нормами. Эти актуализации цен вначале производились очень нерешительно, что вызвало на рынках недоверие ко многим банкам.

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Затем оказалось, что общая сумма таких «актуализаций», сиречь потерь, выражается в сотнях миллиардов долларов, причем не только в США, но также и в Европе, где многие банки тоже приобрели много таких пакетов, в ошибочном расчете на большую, быструю и легкую прибыль. (Кроме того, в Испании тоже был сильно раздут местный строительный «пузырь»).

Таким образом, за счет глобальных международных капиталов, в том числе европейских, в США было построено и продано в долг очень много домов, многие из которых затем пришлось вернуть банкам, давших ипотечные кредиты для их постройки, из-за неуплаты этих ипотечных долгов, когда их месячные квоты увеличились приблизительно в два раза. Эти дома оказались во владении банков, но в их балансах они должны были фигурировать по сильно пониженным рыночным ценам, меньшим, чем данные под их заклад кредиты.

Банки оказались не только с сильными убытками, но также и без необходимой ликвидности, то есть без возможности быстро превращения своих недвижимых активов в деньги, для своевременной оплаты своих остальных обязательств, так как они не могли быстро реализовывать эти активы без больших дополнительных убытков. Положение ухудшалось еще возникшим среди банков сильным недоверием друг к другу, в результате чего между банками почти совсем прекратились до этого обыденные междубанковские краткосрочные кредиты, что сильно ухудшало положение некоторых из них.

Таким образом, кризис на рынке высокорискованных ипотек превратился в **общий банковский кризис**, причем в размерах, угрожающих всей банковской системе в отдельных государствах. Крах банковской системы в государстве в большинстве случаев ведет к общему экономическому кризису, ибо не только прекращается нормальное обслуживание народного хозяйства кредитными, но и нарушается его ликвидность. Сами банки это хорошо знают, и поэтому некоторые из них и ведут себя иногда безответственно, рискуя чрезмерно в погоне за прибылью, в надежде на то, что, в случае нужды, государство их так или иначе выручит, чтобы не допустить еще большей общей беды.

Действительно, многие банки в мире получили тогда большую помощь от своих государств и их центральных банков, иногда даже колоссальную. Однако, Алэн Гринспан, бывший председателем Центрального банка США (FED, Federal Reserve System) до 2006 года, тогда заявил, что никакая помощь банкам не поможет, если FED не станет прямо скупать у банков накопившиеся у них ипотеки на недвижимую собственность. (Этот совет был услышан только в сентябре сего 2012 года, когда сегодняшний президент FED-а Бэн Бернанке заявил, что такая скупка будет производится на ежемесячную сумму в 40 миллиардов долларов, до тех пор, пока это будет нужно).

При этом с самого начала трудно было скрывать, что помощь банкам тоже опасна, ибо она, в конечном итоге, покрывает и как-бы легитимизирует недостаточно ответственное поведение многих из них. Посему, в Германии банк ИКВ, особенно нуждавшийся в государственной помощи, таковую получил, но был одновременно экспроприрован специальным законом парламента, с целью его оздоровления и последующей возвратной продажи в частные руки.

По-видимому, чтобы установить подобный прецедент также и в США, одному очень крупному банку США было (неожиданно) отказано в такой срочной государственной финансовой помощи, и он должен был объявить свое банкротство в марте 2008 года. Это был один из ведущих банков США,

Lehman Brothers, долги которого были указаны в сумме **613 миллиардов** (613.000 миллионов) долларов. Эта сумма превышала годовой валовой внутренний продукт Швейцарии и более чем в два раза сумму тогдашнего государственного долга Греции, о котором так много говорится и пишется.

Влиятельная итальянская газета «Корриере де ла Серра», от 10 августа 2012 года, по этому поводу указала в одной статье, что экономические последствия банкротства банка Леман **«превышают катастрофические экономические последствия двух мировых войн XX века»**. Во всяком случае, многие экономисты считают, что именно с банкротства банка Леман и начался современный глобальный финансовый кризис.

Одновременно с крахом банка Леман, в США обанкротился еще ряд банков и финансовых и страховых компаний, и даже больших промышленных предприятий, но правительство США не допустило их ликвидации. Для их спасения, в них были вложены астрономические суммы денег из госбюджета США, для этого выпустивших на рынок соответствующее дополнительное количество государственных облигаций. Для того, чтобы рынок мог поглотить такое количество этих государственных облигаций, он был одновременно наводнен колоссальными эмиссиями денег Центрального банка США, под проценты близкие к нулю, то есть гораздо ниже инфляции.

Такая реакция на наступивший кризис была заранее predeterminedена большинством теоретических анализов предыдущего финансового краха в 1929 году, считавших, что тогдашний кризис, якобы, можно было избежать подобным способом **наводнения финансовых рынков денежными эмиссиями без покрытия**. (Одним из этих аналитиков был Бэн Бернанке, незадолго перед взрывом «пузыря ипотек» назначенный председателем Центрального банка США).

ЯЗВА ДОЛГОВ ПОД ФИНАНСОВЫМ ПУЗЫРЕМ

Так как уровень цен на биржевых рынках сильно зависит также и от психологических факторов, многие заинтересованные стороны стали усиленно форсировать мнения, что, ввиду принятых энергичных мер, финансовый кризис вскоре будет преодолен и все вернется на «круги своя». В этом отношении особенно отличился бывший социалистический премьер Испании Хосэ Сапатеро, утверждавший в прошлом 2011 году, что он уже **«видит первые зеленые побеги в испанской экономике»**. В этом смысле, особенно в США, подчеркивалась важность политического волонтаризма и «лидерства», с помощью которых почти все экономические и финансовые затруднения, якобы, можно будет быстро преодолеть. Однако вскоре выяснилось, что это отнюдь не всегда так.

Когда на международных финансовых рынках воцарилось всеобщее недоверие, вдруг оказалось, что многие государства не могут больше систематически (чуть ли не еженедельно) помещать на этих рынках свои облигации, в размерах необходимых для погашения своих предыдущих долгов, чьи сроки тоже практически еженедельно истекали. Для помещения новых долгов, с целью погашения старых, от некоторых стран стали требовать на рынках такие проценты, что становилась очевидной невозможность в скором будущем их оплаты.

Таким образом, вдруг всем стало очевидно, что некоторые страны имеют **колоссальные**

государственные долги. Внимание было обращено в первую очередь на те 17 стран Европейского Союза, которые входят в состав т. н. «Еврозоны». Хотя по договору в Маастрихте, согласно которому была учреждена эта европейская монета, вошедшая в обращение 1 января 2002 года, ни одна из этих «евростран» не должна иметь публичного долга, превышающего **60%** ее валового внутреннего продукта (ВВП), оказалось, что большинство из этих стран систематически не соблюдают этого ограничения.

На первом месте по размерам своего государственного долга фигурирует Греция, чей долг сегодня превышает почти в три раза установленный максимум: около **170%** ВВП, согласно некоторым информациям. (В информации по отношению к Греции есть много разногласий).

Причем, эти **170%** были достигнуты лишь после больших «добровольных» скидок, сделанных по отношению к Греции в этом году европейскими банками, обменявшими имевшиеся в их активах государственные облигации Греции на специальные новые облигации, со сниженной номинальной ценностью. (Правда, к этому моменту, на международных рынках эти старые облигации уже котировались гораздо меньше своей номинальной ценности, так что «добровольная скидка» была частично символической).

На втором месте по размеру своего долга в Европе стоит Италия, чей долг равняется приблизительно **125%** ее ВВП. Затем идут Португалия и Ирландия, каждая из них имеющая долг выше **110%** их ВВП. Долги Бельгии немного превышают **100%**, а Франции достигают почти **90%**. Долги Германии немного превышают **80%**, а Австрии и Испании **70%**. Долги же Финляндии ниже нормы Маастрихта: всего лишь **50%** ВВП. Средний государственный долг 17-и стран Еврозоны чуть ниже **90%** их ВВП, то есть он **на 50% выше установленной нормы.**

Самый большой государственный долг сегодня имеет Япония, около **200%** ВВП, но это в основном **внутренний** долг, перед собственным населением, которое доверяет правительству своей монархической страны и охотно возобновляет истекающие обязательства японского государства. Кроме того, введением дополнительных налогов, этот долг может быть довольно быстро и сильно понижен. Для сравнения, можно отметить, что, согласно международным рейтинговым агентствам, внешний государственный долг Российской Федерации, к началу этого года, был **ниже 10%** ее ВВП.

Прежде чем выводить общие заключения из такой ситуации, необходимо отметить отдельно несколько специальных случаев.

В первую очередь нужно указать, что государственный долг Италии вращался около **120%** процентов ее ВВП уже в момент подписания в Маастрихте договора о создании общей европейской монеты, что было всем известно. Тогда для Италии было сделано в этом отношении негласное исключение, при условии, что она не будет дальше увеличивать размеры своего долга, а будет стараться всеми силами его уменьшать.

Италия тогда сделала большие усилия, чтобы эти условия поначалу как-то выполнять, вплоть до учреждения специального «налога для вступления в Еврозону».

На деле Италия эти условия в основном выполнила, ибо ее государственный долг с тех пор немного увеличился лишь в последнее время. Кроме того, **частные** долги итальянских предприятий и граждан ниже аналогичных долгов других стран, а ее банковская система солиднее, чем во многих других странах.

В Италии вообще имеется довольно высокая финансовая и экономическая культура, недаром первые современные банки зародились в Италии, хотя в Северной Европе (и особенно в Германии) Италию часто обвиняют в «творческой бухгалтерии», то есть в умении искусно «гримировать» свои государственные бюджеты и балансы. Повидимому, знакомство с техникой «творческой бухгалтерии» также помогает легче парировать спекулятивные атаки интернациональных финансовых рынков на отдельные страны и зоны, каковые время от времени происходят.

Может быть, частично и по этой причине, президентом Европейского Центрального Банка был выбран в этом году Марио Драги, бывший председатель Итальянского Центрального Банка. Пару месяцев тому назад, когда спекулятивные финансовые атаки на Италию и на Испанию особенно ожесточились, Марио Драги вдруг официально заявил, что Европейский Центральный Банк будет покупать на рынке облигации тех стран Еврозоны, которые этого попросят. В Германии сразу раздались некоторые критические голоса, что это не дело Европейского Центрального Банка покупать такие облигации, но сама канцлер Меркель заявила, что она доверяет Драги.

В результате, до сих пор ни одна страна не обратилась в этому Банку с просьбой покупать ее облигации, но годовые проценты на облигации Италии и Испании резко упали, с приблизительно **6%** на **3,5%** в год.

Греция в этом последнем отношении сильно опередила Италию. Она хронически утаивала от международного контроля и общественного мнения часть своих государственных долгов, искажая для этого свои экономические показатели. Когда, в результате своей очевидной неплатежеспособности, Греция должна была согласиться на международную проверку своих экономических данных, чтобы получить очередную финансовую помощь для погашения истекающих долгов, ей пришлось несколько раз официально сильно исправлять цифры ее государственной задолженности и дефицитов ее государственного бюджета. Правда, организация Грецией на широкую ногу всемирной Олимпиады в 2004 году тогда тоже сильно увеличило эту задолженность, что никто не мог игнорировать.

Объединение двух немецких государств в начале девяностых годов прошлого века обошлось Германии еще гораздо больше, чем Олимпиада Греции. Согласно некоторым подсчетам, это объединение двух экономических и политических систем на территории Германии обошлось ей в **1,4** миллиарда (**1,4** миллионов миллионов) Евро, что равняется приблизительно двум третям всего сегодняшнего государственного долга Германии. Государственный долг Германии увеличился уже в 1994 году до **53%** ВВП, с **43%** ВВП в 1989 году.

При этом нельзя упускать из виду одного чрезвычайно важного экономического обстоятельства этого немецкого объединения. С немецкой скрупулезностью тогда были высчитаны показатели **экономической производительности** на территории Восточной Германии, где после войны была внедрена социалистическая экономическая система, а также и на территории Западной Германии, где после войны была развита т. н. система «социального рыночного хозяйства».

Оказалось, что производительность социалистической экономической системы в Восточной Германии была приблизительно в два раза ниже производительности в Западной Германии, хотя в обеих частях Германии жили одни и те же немцы. Этот случай является наглядным

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

#02 - 2012 / ГЕОПОЛИТИКА

подтверждением утверждения, что результаты политики лучше всего можно оценивать с помощью экономических показателей.

Тогда правительство объединенной Германии канцлера Гельмута Коля решило перестроить коренным образом всю экономическую структуру и модернизировать инфраструктуру Восточной Германии, несмотря на любые расходы для этого. При этом не безинтересно отметить политическое оправдание такой дорогой перестройки: жители бывшей Восточной Германии имеют право со временем достичь такого же жизненного уровня, как и жители бывшей Западной Германии.

Жизненный уровень **зависит от уровня производительности** всего народного хозяйства. Для этого, жителям всей объединенной Германии пришлось временно взять на свои плечи колоссальные расходы этой немецкой перестройки и вытекающие из них долги.

ЭМИССИЯ ДЕНЕГ БЕЗ ПОКРЫТИЯ И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Государственный долг США в сентябре 2012 года впервые превысил **16 миллиардов** (миллионов миллионов) **долларов**, при годовом ВВП в 15 миллиардов долларов. США имеют самые большие в мире золотые запасы, около 261 миллион золотых унций, стоящих около 460 миллиардов долларов, по сегодняшним ценам. Значит, эти золотые запасы США равняются приблизительно трем процентам их ВВП и их государственного долга. Таким образом, если проценты за государственный долг США подымутся лишь на 3 процента в год, только это одно повышение превысит общую сумму их всего золотого запаса.

Сегодня может показаться невероятным тот факт, что 68 лет тому назад, золотые запасы США превышали размеры денежного обращения доллара, каковое, в свою очередь, являлось обеспечением валют всех стран международной валютной системы, установленной в 1944 году в Бреттон-Вудсе. Причем, унция золота тогда стоила всего лишь сорок долларов. Сегодня она стоит 44 (сорок четыре) раза больше, около 1760 долларов за унцию. Цена нефти за этот самый срок повысилась приблизительно в 48 раз. (Значит, по отношению к золоту, цена нефти не изменилась очень сильно за эти 70 лет).

34 года тому назад, я опубликовал, в одной передовице в газете «Наша Страна», краткое резюме зарождения и развития этой системы Бреттон-Вудса:

«Экономическая система первого мира после Второй Мировой войны развивалась имея в своем основании соглашение о международном финансовом сотрудничестве, подписанное в Bretton Woods-е в 1944 году, почти одновременно с Ялтинскими соглашениями.

*Выработанный тогда финансовый строй зиждился на признании национальной монеты США – доллара – как международной монеты, являющейся **покрытием всех других монет первого мира**. Другими словами, цена этих монет была установлена не по отношению к золоту, а по отношению к доллару, и все международные торговые расчеты сводились, в конечном итоге, тоже к расчетам в долларах. Самое главное в этой системе заключалось в **твердом паритете между всеми монетами по отношению к доллару, с одной стороны, и между долларом и ценой золота, с другой стороны**. Так обеспечивалась, хотя бы косвенно, **твердая цена всех монет по отношению к какому-то реальному и конкретному товару**, причем к товару,*

обладающему исторически наибольшим престижем.

*Такой финансовый строй вначале казался хорошим, главным образом, потому что он обеспечивал прочность и твердость в международных экономических сделках, даже на долгие сроки. Однако, этот строй основывался на предпосылках, которые на поверку не оказались постоянными, хотя и считались таковыми в течение более четверти века (1944-1971). Эти предпосылки можно, резюмируя, определить, как **равновесие в соотношении между золотыми запасами США и количеством долларов, находящихся в запасе центральных банков других стран, равновесие, которое, в свою очередь, зависило от равновесия в платежном балансе США (т. е. от равновесия между притоком и утеком долларов в США)**.*

*Но сама система требовала нарушения этого равновесия, так как, при все увеличивающемся международном торговом обороте, она **нуждалась в том, чтобы внешний финансовый дефицит США ее хронически питал**. Так и получилось, что если в 1949 году США имели в запасе 25 миллиардов золотого запаса, а центральные банки других стран имели в своем запасе всего лишь 3 миллиарда долларов, то уже к 1971 году эти центральные банки приобрели еще 34 миллиарда долларов, что в сумме давало 37 миллиардов, из которых они обменяли на золото в США около 14 миллиардов. Так у США к 1971 году осталось в запасе всего лишь около 11 миллиардов долларов в золоте, в то время как центральные банки уже тогда располагали 23 миллиардами долларов, т. е. больше, чем вдвойне. Это и был крах выработанной в 1944 году системы, крах официально признанный 15 августа 1971 года, когда Никсон объявил, что **США не будут больше обменивать свое золото на доллары**»).*

А еще через шесть с лишним лет, была утверждена коренная реформа международной финансовой системы. 1-го апреля 1978 года, официально наступил конец международной финансовой системе, установленной 34 года до этого в Бреттон-Вудсе, как сообщил Международный Валютный Фонд (МВФ). Новая система, основанная не на твердых, а **на колеблющихся курсах, и на разрыве связи с золотом**, которое с этого момента свободно котировается как «одна из монет», была ратифицирована к 1-му апреля 1978 года нужным количеством стран-членов МВФ и с этого числа вступила в силу.

Таким образом начался новый цикл международной финансовой системы, в основном характеризующийся **прогрессивным ростом государственных долгов**. Рост валютных запасов (главным образом в долларах США) центральных банков отдельных стран, в принципе, был **симметричным росту государственного долга США**, по отношению к этим странам. Однако, кроме этой системной причины, были, конечно, и другие причины такого роста международных долгов.

Основной характеристикой этой новой реформированной международной финансовой системы, установленной 1-го апреля 1978 года, был **новый принцип отрешения от привязанности размера денежных эмиссий доллара США от связи не только с имеющимся в запасе США количеством золота, но также и от любой связи с любым другим объективным фактором**.

Как известно, против обеспечения золотом денежных эмиссий выдвигался аргумент, что стоимость глобального производства и потребления товаров и услуг в мире сегодня астрономически превышает стоимость всех имеющихся в мире

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

запасов золота. В частности, этот аргумент был выдвинут и против предложения известного французского экономиста Жак Рюффа правительству Де-Голля, ввести золотое покрытие для французского франка.

Однако, немецкая финансовая школа, еще со времен введения немецкой «имперской марки» Хьялмаром Шахтом, выработала принцип твердого «привязывания» количества денег в обращении не к золоту, а к **росту ВВП**. Этот принцип был положен и в основание учрежденной в июле 1948 года в Западной Германии новой «немецкой марки» (Deutsche Mark), вместо «имперской марки» (Reichsmark). Затем, при учреждении ФРГ, в ее конституцию было включено запрещение государству делать долги, превышающие капиталовложения в инфраструктуру. В договоре в Маастрихте о создании новой валюты «Евро» было включено запрещение всем государствам Еврозоны делать **новые государственные долги** в размере **более 3% ВВП в год**, причем общая аккумулированная сумма всех долгов не должна превышать 60%.

В то время, как в Германии запрет государственных дефицитов, содержащийся в ее конституции, в основном соблюдался, в Еврозоне запрещение увеличения долгов многими странами часто не соблюдалось, в том числе иногда и самой Германией. Это тоже было одной из важных причин современного финансового кризиса. Посему, уже в этом 2012 году было принято решение ввести во всех странах Еврозоны конституционные запрещения дефицитов (на более, чем пол-процента ВВП) в будущих государственных бюджетах.

ЦИКЛИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ

Другая важная причина циклических кризисов в глобальной финансовой системе имеет **геополитические корни**. Когда, в результате т. н. «войны Йом-Кипура» в 1973 году, арабские страны резко подняли цены на нефть, сильно нарушилось равновесие в глобальных финансовых структурах.

Во-первых, сильно **увеличилась стоимость** всего **мирового ВВП**, выраженная в долларах по текущим ценам, ибо не только повысились цены на нефть и вообще на все виды энергии, но также и на многие другие товары и услуги, цены которых сильно зависят от цен на нефть (как, например, цены на транспорт). Такой процесс вызвал необходимость **соответствующего увеличения глобальной денежной массы** в обращении.

Во-вторых, сразу же оказалось, что **неравномерное географическое распределение** этого резкого увеличения денежных средств, в результате резкого увеличения цен на нефть, нарушило прежнее неустойчивое финансовое равновесие в мире. Некоторые страны-производительницы нефти вдруг стали располагать колоссальными средствами, которые они не могли более или менее одновременно употребить и тратить. Значит, они должны были **держаться в запасе** экспоненциально увеличивающиеся излишки получаемых ими выручек за нефть. Вставали вопросы: где их держать и в каком виде?

Известный сенатор США Jacob K. Javits, член Комиссии иностранных дел Сената США, сформулировал 1 марта 1974 года в одной речи свою публичную версию ответа на эти вопросы: страны-производительницы нефти могут вкладывать излишки своих доходов, получаемых за нефть, в банковскую систему США. В свою очередь,

банковская система должна **помещать получаемые таким образом крупные средства в широко предоставляемые другим странам кредиты**: «Можно ожидать, что значительная часть доходов производителей нефти каким-то образом попадет в США. В таком случае, мы должны быть готовы к тому, чтобы снова вернуть в обращение эти ресурсы и дать их в заем странам с наибольшими дефицитами в их платежных балансах». Эта речь тогда была опубликована повсеместно посольствами США, под заглавием «**Начало нового пути**». Сегодня, через сорок лет, прогностический «**новый путь**» подходит к своему концу.

Исключением в этой глобальной системе **наращивания кредитов и долгов** тогда был СССР, который был вынужден вкладывать получаемые доходы за продажу нефти в свое вооружение. В рамках развязанной тогда «гонки вооружений», СССР стал преследовать (подбодряемый своими врагами?) «**паритет в вооружении**». Ввиду большой разницы между размерами ВВП участников этой гонки (США, СССР и Западной Европы), такой паритет вооружений оборачивался колоссальным **неравновесием**, в процентах ВВП, в **расходах для его достижения**. Если США тратили на эту гонку около 8% своего ВВП, а Западная Европа около 6%, то СССР был вынужден тратить на нее более 40% своего ВВП).

Если посмотреть на все эти процессы в соответствующей перспективе, на поверку оказывается, что не все вкладчики всегда получают проценты за свои вклады, в размерах превышающих инфляцию в течение всего их срока, а иногда и подвергаются «добровольным» урезываниям своих вложенных капиталов. Например, в начале 90-ых годов такие урезывания даже происходили в организованном порядке, в рамках т. н. «Плана Брейди». Несмотря на это, приблизительно через восемь-девять лет по всему миру прокатилась новая волна «дефолтов». А еще через следующих девять-десять лет, мир сегодня оказался снова в очередном финансовом кризисе. На этот раз, повидимому, конец этого очередного среднего (10-летнего) цикла совпадает с началом конца большого (50-летнего) «кондратьевского цикла»).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОСТРЕБОВАНА МОДЕЛЬЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

Если проследить логическую **причинную цепь** всех этих экономических процессов, то в начале этой цепи мы неизбежно должны натолкнуться и на какие-то внешние, по отношению к самой экономике, причины.

«Дефолты» вызваны чрезмерными долгами, которые уже невозможно погашать выручками от новых кредитов, ибо таковые уже нельзя получить по более или менее нормальным условиям. Кроме того, потенциальные кредиторы, в свою очередь, отказываются давать новые кредиты старым должникам, ибо они боятся новых потерь и не имеют достаточной ликвидности.

Таким образом, государство вынуждено вмешиваться, чтобы предотвратить дальнейшие финансовые обвалы. Оно выпускает свои государственные облигации, и на их выручку дает ссуды неплатежеспособным частным должникам (главным образом банкам), чтобы государственными долгами покрыть долги частные.

Сами Центральные банки теоретически не вмешиваются прямо в эти манипуляции, но они энергично увеличивают свои денежные эмиссии,

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

чтобы дать колоссальные ссуды частным банкам на средние сроки, по ничтожным процентам, ниже инфляции. Иногда, Центральные банки еще прямо покупают на рынке ранее выпущенные государственные облигации, на выпускаемые ими без всякого покрытия эмиссии. За всеми этими сложными процессами постоянно, неумолимо и беспрерывно действует инфляция. При средней годовой инфляции от 2 % до 3 % , через десять лет все долги (и все валютные запасы) теряют от 30% до 40% своей изначальной покупательной способности.

В конечном итоге, все эти сложные и многоэтапные процессы можно свести к довольно простой формуле, являющейся своего рода финансовой вариацией закона Лаувазье, согласно которой **в природе ничего не теряется и ничего не создается из ничего**. То, что теряют многие, получают, так или иначе, немногие. Кто эти немногие? В основном это две группы: какая-то часть организаторов и манипуляторов этой финансовой модели и какая-то часть участников одновременной политической модели. **Обе модели терпят взаимообразно друг друга**, ибо обе модели тесно взаимосвязаны и **зависят друг от друга**.

Однако действительным **первоисточником** всей этой сложной системы является **политическая модель**, ибо именно она обеспечивает **хронические государственные дефициты**, каковые влекут за собой хронические задолженности, в свою очередь подпитывающие новые дефициты, ибо за долги надо платить проценты, в этом случае превышающие инфляцию.

Эта политическая модель обыкновенно определяется как **представительная партийная демократия**, зачастую в рамках **федеративных государственных структур**.

Как известно, сам термин «демократия» был взят, в ущербленном виде, из политического строя древнего Афинского Полиса, в котором, согласно Аристотелю, демократический режим возобладал, с маленькими перерывами, между 508 и 338 годами до Р. Х., хотя элементы демократии существовали в Афинах и до этого. Однако, в течение этих 170 лет, под **«демократией»** в Афинах подразумевалось не только «народоправие», в широком понимании этого слова, но, конкретно и в первую очередь, **право каждого из ста демосов** (уездов, земских общин, приходов), из которых состояли Афины, ежегодно **выдвигать**, из среди состоящих **в каждом демосе** граждан, **одного своего кандидата в архонты** (начальники, правители, князья) всего Афинского Полиса.

Затем, из этих ста поместно выдвинутых кандидатов определялись путем жребия десять годовых архонтов Афин. Таким образом, этот **первоначальный прототип демократии** не был партийным ни представительным ни федеративным.

Суть этой первичной демократии заключалась в **выдвижении кандидатов в правители местными «демосами»**, а не централизованно организованными партийными аппаратами. Значит, весь процесс отбора правителей не причинял никаких издержек и расходов ни государству ни обществу, и даже не предоставлял особенных возможностей для коррупции.

Современный финансовый кризис вызвал повсеместно жгучую необходимость доскональной проверки многих государственных бюджетов. Таким образом, в некоторых странах выяснилось, что именно **на федеральных уровнях** в государстве и **в партийных структурах гнездятся основные причины дефицитов** в государственных бюджетах, а также и главные очаги коррупции. На эти темы в

международной печати опубликовано очень много информации за последнее время, резюмировать какую-то нет необходимости. Можно лишь привести несколько примеров, для иллюстрации.

В Греции около **30% всего населения** страны до сих пор живет за счет государства. (Правда, такой процент не кажется очень большим, по сравнению с 47% жителей США, которые, якобы, «паразитируют за счет государства», как недавно сказал один из кандидатов в президенты США, во время предвыборных дебатов).

Международные комиссии, проверяющие государственную бухгалтерию Греции, натолкнулись на курьезные детали. Например, на группу сторожей одного озера, которое не фигурировало на картах. Оказалось, что это озеро высохло в 1936 году, но расходы по его охране продолжали регулярно предусматриваться в бюджетах.

В Испании оказалось, что важным источником дефицита являются автономные региональные администрации, впервые созданные после смерти генерала Франко, в процессе «демократизации» страны. Они имеют не только собственные бюджеты, но также и берут для себя «автономно» на финансовых рынках кредиты, то есть автономно делают автономные долги.

Когда эти автономные региональные администрации не могут своевременно погасить взятые ими автономно долги, они обращаются за помощью к центральным властям, как это недавно произошло в случае автономной Каталонии, чьи долги превышают 42 миллиарда евро.

Ввиду протестов против такой практики, автономное правительство Каталонии недавно объявило «референдум о независимости». Галисия, другая автономная региональная администрация Испании, чьи долги достигают 14 миллиардов евро, натолкнулась на аналогичные затруднения на собственной территории. Оказывается, в Галисии было создано много новых муниципалитетов, путем раздробления предыдущих структур, содержать каковые, без влезания в долги, невозможно. Сейчас правительство Галисии соединяет два-три муниципалитета в один, в тех местах где их возглавляют члены одной и той-же партии.

Во Франции расходы местных администраций увеличились за последние десять лет на 60%. Особенно велика задолженность муниципалитетов, которых во Франции, согласно данным газеты «Корриере де ла серра», резюмирует много.

В Аргентине за последние десятилетия был создан ряд новых «федеративных провинций», на прежних «Территориях», управлявшихся раньше прямо из центра. Многие из этих провинций хронически находятся в кризисе. Недавно, в одной из них, в провинции «Санта Крус», положение очень заострилось. Оказывается, из 190.000 жителей этой провинции, якобы, 70.000 являются государственными служащими провинции, ибо в этой провинции есть правительство, судебная система, верховный суд, парламент, и т. д.

В Италии сегодня тоже широко раздается критика ее территориальной организации, основанной на разделении на регионы и на провинции. Высказываются предложения сократить такое двойное деление. Однако, гораздо сильнее критикуется партийная система Италии, страшно дорогая для государства и, кроме того, сильно потворствующая коррупции (и мафии?).

В передовице итальянской газеты «Кориере де ла серра» от 11 сентября, цитируется курьезное предложение левого политика Энрико Боселли: сократить весь итальянский парламент до всего лишь **двух депутатов**, одного от правительства и

другого от оппозиции. Они будут иметь голоса в соответствии с процентами голосов полученных правительством и оппозицией на последних выборах. Ведь сегодня все партийные фракции в парламенте голосуют «как один», по указке их секретарей. (Ослушаться указы партий депутаты не могут, ибо партии выдвигают их кандидатуры. Так что, одних секретарей фракций было бы достаточно).

Таким сокращением можно было бы достигнуть колоссальной экономии расходов по оплате сотен народных представителей и многих тысяч обслуживающего их персонала (советников, секретарей, водителей и т. д.), вместо дополнительного сокращения пенсий и жалований служащих.

Эта критика в Италии не прекращается, а все время усиливается. Например, в номере от воскресенья 14 октября, в той же газете «Корриере де ла сerra» можно прочесть следующие заголовки статей: *«Вцепившаяся в государство олигархия живет заявлениями и лицемерием», «Жестокая тирания долгов ускоряет упадок Запада».* (Между прочим, на недавней встрече МВФ в Токио, его председательница Христина Лэгард заявила, что большие долги многих стран очень трудно снизить без экономического роста, но сами эти долги препятствуют экономическому росту, так что получается порочный круг.)

Таких примеров критики сегодня очень много. Причем, расчленение стран еще более выгодно политикам, чем их федерализация. Мне один дипломат сказал, в начале 90-х годов, что расчленение Югославии и России (СССР) необратимы, ибо эти расчленения обеспечивают сословию политиканов колоссальное количество хорошо оплачиваемых постов (министров, послов, депутатов, дипломатов и т. д.).

Например, сказал мне он, в некоторых новых маленьких пост-югославянских государствах, чуть ли не каждая пятая большая семья (род, клан) будет иметь хотя бы одного такого высокого сановника, что повлечет за собой для нее много дополнительных выгод.

Я тогда ответил, что эти «выгоды» должны будут оплачивать остальные члены общества. Нет, сказал дипломат. Они будут оплачены выпуском денег в собственном государстве, или кредитами из других государств, где они, в свою очередь, будут покрыты тамошними эмиссиями.

ПОИСКИ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЛЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Сегодня уже многим стало очевидно, что пробег современного «большого» экономического цикла уже подходит к своему концу. Однако, для старта нового цикла, необходимы **творческие нововведения** («инновации», новинки), как на это указал в свое время Кондратьев).

В экономическо-финансовой области некоторые инновации уже вырабатываются в Евроне, нередко мучительно. На самом деле, не все они являются таковыми, ибо некоторые из них уже давно содержатся в доктрине «Бундесбанка» Германии. Эта доктрина была выработана немецкими учеными экономистами, практически без участия победителей, еще во время оккупации Западной Германии, до создания ФРГ, одновременно с подготовкой денежной реформы, состоявшейся в июле 1948 года.

В основном, эту доктрину можно свести к постулату, что единственной императивной задачей Центрального банка Германии («Бундесбанка»)

является максимальное **сохранение покупательной способности денег**, выпускаемых этим банком. Годовая инфляция должна быть ниже двух процентов (в принципе, не выше получаемых процентов за сбережения).

Для этого, количество денег в обращении, в конечном итоге, не должно увеличиваться более экономического роста страны. Необходимые временные колебания этого количества денег должны со временем возвращаться в рамки общей тенденции экономического роста. Другие экономические вопросы (как, например, количество безработных в стране) не лежат в компетенции Бундесбанка, в отличие от Центрального банка США.

Короче говоря, Бундесбанк не должен заботиться о безработных, а только защищать интересы потребителей и **сберегателей**. Символично это было продемонстрировано в момент обмена райхсмарок на новые немецкие марки: за любое количество старых денег наличными, тогда всем дали одинаково по сорок новых марок на человека, но за старые деньги **на счетах сберегательных касс**, через неделю после обмена, аккредитовали новыми марками 10% от прежде накопленных сбережений в старых деньгах. **Сбережения жителей стоят на первом месте.** Для выполнения этой задачи, Бундесбанк является полностью независимым от политики.

Эта доктрина немецкого Бундесбанка была в основном усвоена и Европейским Центральным Банком, созданным для всей Еврозоны. Однако, под доктриной Бундесбанка в Германии существует соответствующий **социологический фундамент**: традиционно, население Германии **потребляет меньше, чем производить**. Разницу между производством и потреблением оно сберегает, **копит для будущего** (для расходов или для приобретения активов в будущем). Посему, главной функциональной задачей денежной системы в Германии было **обеспечение сохранения** на средний срок **покупательной способности сбережений** населения и предотвращение их обесценивания.

Однако, в некоторых других странах имеются **иные социологические предпосылки**, как, например, тенденция к потреблению товаров и услуг, в размерах, **превышающих** одновременное их производство. Для покрытия разницы, берутся кредиты в долг, чтобы часть сегодняшних расходов оплатить в будущем. При преобладании такой тенденции, некоторая инфляция и некоторое обесценивание денег, в которых выражены долги, является выгодной для должников. Посему, в этих странах государственный долг тоже видится в иной психологической перспективе.

Когда такие разнородные финансовые системы были унифицированы в Евроне под общим щитом одной общей монеты, без изначального учета этой разнородности, со временем неизбежно стали возникать проблемы, а затем и кризисы. Также не была учтена и **разница в производительности** в разных странах, как это было сделано при объединении двух зон Германии, с последующим установлением разницы и в уровне зарплат. (Эти разницы затем постепенно уменьшались, но они до сих пор существуют).

Кроме того, сегодня ни одна из 17 стран Еврозоны не может делать девальваций в индивидуальном порядке. Девальвация является самым простым способом ловко снизить общий уровень зарплат и пенсий, без каких-либо специальных дискуссий об этом, для повышения национальной конкурентноспособности и улучшения внешнеторгового баланса. Значит, сегодня необходимо производить **«внутреннюю**

девальвацию», путем открытого селективного урезывания зарплат и пенсий, что психологически гораздо труднее и ведет к снижению экономического роста и даже к его стагнации и рецессии.

В последнее время раздаются голоса, что методология «внутренней девальвации» в некоторых отношениях может быть опасной. В швейцарской газете «Basler Zeitung» недавно вышла статья на эту тему, в которой указывается, что аналогичная «внутренняя девальвация» в Англии в 30-ых годах XX века вызвала долгий экономический застой в этой стране: ВВП Англии в 1938 году был почти такой-же как и в 1918 году. Именно тогда и возникла экономическая терия Кейнеса, в конечном итоге сводящаяся к предпочтению экономического роста перед другими задачами.

Однако, раздаются и голоса, утверждающие, что экономическое положение Европы, измеряемое рядом показателей, сегодня лучше, чем положение в США, Японии, Индии и Англии. Лишь положение Китая немного лучше Европы. Так утверждает Петер Бофингер, один из т. н. «экономических мудрецов Германии», в его недавно вышедшей книге «Назад к немецкой марке?».

Посему, не надо перебарщивать с жестокими мерами, если они слишком вредят экономическому росту, считает он. (В 2012 году ожидается следующий экономический рост, в процентах ВВП: В Китае 7,8%, в Индии 4,9%, в России 3,7%, в США 2,2%, в Японии 2,2%, в Бразилии 1,5%, в Германии 0,9%, во Франции 0,1%, во всей Еврозоне минус 0,3%, в Англии минус 0,4%, в Италии минус 2,3%).

Финансовый разноречивый происходит и во всем мире, а не только в рамках Еврозоны. Посему, нельзя сравнивать все главные валюты мира только лишь на основании обыкновенно учитываемых экономических и торговых данных. Необходимо также принимать во внимание и специфический характер каждой валюты, и с какой целью (гласной или негласной), на средний и на дальний сроки, она выпускается: для сохранения ее покупательной способности или для незаметного хронического обесценивания долгов, выраженных в ней. Возможно, что со временем в мире установится система нескольких главных валют, в каковой будет так или иначе учтен специфический характер каждой из них.

Конечно, достичь этого будет чрезвычайно трудно. Теоретически, возможно и создание некоей новой абстрактной денежной единицы, основанной на «корзине» таких главных мировых валют, но это еще труднее.

Во всяком случае, уже сегодня необходимо иметь ввиду, что не всегда выгодно иметь односторонне на долгий срок большие запасы иностранных валют, ибо эти запасы зачастую являются лишь ничем не обеспеченными чужими долгами, которые все время понемногу обесцениваются.

Конечно, необходимо располагать оперативными фондами обращения в иностранной валюте, каковые однако не должны быть чрезмерными. Лишние свободные средства лучше вкладывать в запасы сырья, в средства производства и в инфраструктуру.

Меры для бюджетных экономий, для избежания дефицитов и долгов, необходимо согласовывать с социологическими исследованиями, как это было сделано в Германии во время правительства Шредера, по отношению к системе социальных субсидий.

Сегодня особенно необходимо хорошо социологически исследовать перспективы на следующие десятилетия развития пенсионных

систем, в связи с имеющимися демографическими тенденциями.

В заключение, можно высказать предположение, что необходимые политические структурные реформы можно сделать гораздо легче, чем это может казаться на первый взгляд.

При этом нет никакой необходимости впадать в выше отмеченные «итальянские крайности». Ведь глубокие реформы в этой области можно осуществить даже без конституционных реформ, лишь с помощью изменения избирательного законодательства, для преодоления недостатков современной модели. Даже можно частично вернуться к принципам и к опыту некоторых престижных исторических моделей: Афинской демократии, в которой кандидаты в правители выдвигались поместно демосами (уездами, общинами), или Римской республики, в которой кандидатами могли быть лишь государственные деятели, отлужившие свои сроки на низших ступенях власти и кооптированные в Сенат.

На Руси, до реформ Петра Великого, существовала смешанная система: выдвижение кандидатов и выборы в члены Земского Собора производились по местам, в то время как члены Боярской Думы назначались царем, по заслугам, из государственных служилых чинов.

Все вышесказанное делает очевидным, что любые экономические планы, меры и решения, так или иначе, зависят от политических целей, планов, моделей и структур. ▲

Родился 31 июля 1927 года в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ.

Его отец, полковник Царской армии Николай Александрович Андрушкевич, окончил I Московский кадетский корпус, Александровское военное училище в Москве и Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. До Первой мировой войны он был земским начальником в Минской губернии, а затем всю войну провёл на немецком фронте. Во время Гражданской войны, в 1920 -1922 гг., был избран председателем Городской думы Владивостока и председателем Приамурского народного собрания. В октябре 1922 г. эмигрировал в Шанхай, где с 1922 по 1924 гг. преподавал правоведение в Хабаровском графа Муравьева-Амурского кадетском корпусе. Вместе с этим корпусом 9-го декабря 1924 года прибыл на французском пароходе «Портос» в Сплит. В 1926 г. женился в Белграде на Надежде Леонардовне Верженской, дочери полковника Царской армии Леонарда Матвеевича Верженского.

Игорь Николаевич окончил сербскую 4-летнюю начальную школу в городе Чачке, в Центральной Сербии, а в 1938 г. поступил в Первый русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус в Белой Церкви, в Югославии. В 1948 г. с матерью, братом и двумя сестрами приехал в Аргентину, где учился на журналистическом и философском факультетах. В 1958 г. женился на Анне Атилиевне Баукиеро, аргентинке итальянского происхождения, вместе с которой в 1955 г. закончил факультет журналистики в Буэнос-Айресе. У них три сына: Николай (ученый, доктор математических наук, профессор университета, член Аргентинской академии наук), Александр (экономист) и Андрей (офицер дальнего плавания аргентинского морского торгового флота). Жена и дети Игоря Николаевича – православные и говорят по-русски.

В течение 25 лет, до выхода на пенсию в 1987 г., Игорь Николаевич работал экономистом на частных средних металлургических заводах в Буэнос-Айресе как финансовый и административный директор.

На протяжении более 30 лет он преподавал для детей русских эмигрантов историю России и государственное устройство в старших классах русской субботней гимназии Организации российских юных разведчиков, а также постоянно читал публичные доклады и лекции (на русском и на испанском языках) на исторические, философские, политические и экономические темы.

В 60-е и 70-е годы был членом Епархиального совета Аргентинско-Парагвайской епархии Русской

Игорь Николаевич Андрушкевич

православной церкви за границей и членом правления Русской православной конгрегации в Аргентине.

В 1991 г. стал председателем «Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине». В сентябре 1996 г. в Сан-Франциско избран председателем 15-го Общекадетского съезда, и в этом качестве 30 августа 1998 г. открыл первый в России (16-й по счету) Общекадетский съезд – в Санкт-Петербурге. В эти же дни по приглашению начальника Нахимовского военно-морского училища прочел ряд лекций по русской истории перед курсантами этого учебного заведения. В сентябре и октябре 2007 г. он участвовал в XIX Общекадетском съезде зарубежных кадет и в Первом съезде кадет России, состоявшихся совместно в Москве, Екатеринбурге и Санкт-Петербурге. В качестве вице-председателя Кадетского Президиума русских зарубежных кадет вел официальное собрание открытия XIX Съезда зарубежных кадет, а затем был избран в Президиум Первого Съезда кадет России.

В январе 2009 г. как делегат от мирян Южно-Американской епархии Русской православной церкви за границей участвовал в Поместном Соборе Русской православной церкви, состоявшемся в Москве для выбора Патриарха.

Начиная с 1970 по 1995 гг. сотрудничал с русскоязычной еженедельной газетой в Буэнос-Айресе «Наша Страна», написал более 350-и передовиц и статей, кроме еженедельных колонок. В 1995 г. возобновил издание в Буэнос-Айресе ежеквартального кадетского вестника «Кадетское письмо» (основанного в 1955 г., и прекратившего свое существование в 1962 г.) С тех пор под его редакцией вышло 70 номеров вестника.

В 2002 г. в Буэнос-Айресе под редакцией Игоря Андрушкевича и его жены вышел в свет первый номер историософского периодического журнала на испанском языке «Перспективы» («Perspectivas»), где особое внимание уделялось странам православно-византийской культуры. Второй номер этого журнала был посвящен 300-летию Санкт-Петербурга. До настоящего времени вышло четыре номера этого журнала. В 2002 г. он стал ответственным главным редактором ежегодного журнала «Кадетская переписка», издаваемого Кадетским объединением в Нью-Йорке.

Сейчас Игорь Андрушкевич является председателем «Аргентинского общества эллинической культуры». 31 марта 2004 г. он был награжден Правительством РФ медалью «300-летие Санкт-Петербурга», а 10 августа 2010 г. награжден орденом Русской православной церкви «Святого Благоверного князя Даниила Московского» III степени.